

Ополеву Павел Валерьевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета. Адрес: 644080, Россия, г. Омск, пр. Мира, д. 5. Тел.: +7 (3812) 65-33-54. Эл. адрес: pvo-sinergetica@rambler.ru

Opolev Pavel Valeryevich, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor, Department of Philosophy, Siberian State Automobile and Highway University. Postal address: 5, Mira Ave., Omsk, Russian Federation, 644080. Tel: +7 (3812) 65-33-54. E-mail: pvo-sinergetica@rambler.ru

DOI: 10.17805/zpu.2019.4.13

Развитие взглядов на феномен «чужого» в истории культуры

М. А. ПОЛЕТАЕВА

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье дается обзор эволюции представлений о своем и чужом человеке в истории человечества. Это первая попытка комплексной научной систематизации типовых взглядов общества на эту проблему в истории, игравших значимую роль в становлении национальной идентичности людей.

В первую очередь рассматриваются различные варианты членения истории на периоды и обосновывается значимость ее членения на технологические эпохи: доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. Развертываются нужные для данного исследования характеристики каждой эпохи и показывается, почему в каждую эпоху различалось отношение к дихотомии свой/чужой.

Для доиндустриальной эпохи было свойственно восприятие чужого как существа вредного, с которым следует иметь дело как можно меньше и реже контактировать. Чужой — это враг, порождение дьявола, и с ним всегда нужно быть настороже.

В индустриальную эпоху чужой воспринимался как человек, отличающийся от местного, но не опасный. Взаимодействовать с ним можно, особенно при его достаточной ассимиляции в местной среде.

В постиндустриальную эпоху чужой воспринимается уже лишь как культурно другой, но тем и интересный человек. Взаимодействие с ним возможно, так же как и со своим.

Таким образом, в истории имела место определенная эволюция отношения общества к чужому от его максимального отторжения к его преимущественному приятию.

Ключевые слова: свой; чужой; доиндустриальная эпоха; индустриальная эпоха; постиндустриальная эпоха; история культуры

ВВЕДЕНИЕ

Представления о чужом были разными в разные эпохи. Особенности этих представлений в существенной мере определялись мировоззренческими характеристиками этих эпох, параметрами картин мира людей, живших в разное время. Поэтому, прежде чем приступить к рассмотрению особенностей такого отношения к чужим, нужно определиться с принципами членения истории на эпохи.

В мировой науке существует множество вариантов членения истории на различные периоды, созданные на протяжении многих веков и опирающиеся на разные основания. Это и социально-экономические формации, и культурно-цивилизационные эпохи, и религиозные эры, и т. п. Из этого множества вариантов мы выбираем сравни-

тельно новую концепцию членения истории на технологические периоды, т. е. эпохи, основанные на господстве разных типов технологий, — *доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную* (Белл, 1999; Фукуяма, 2004 и др.). При этом под «индустриальностью» понимается машинное производство каких-либо материальных предметов или фрагментов сооружений. Соответственно, доиндустриальная эпоха — это время до появления производящих машин (время ручного инструментария), а постиндустриальная эпоха — это время, когда машины перестали играть самодовлеющую роль, а стали чисто техническими элементами производства, главным же стало автоматизированное управление машинами и производство нового знания.

Выбор именно этого варианта членения истории для данного исследования обусловлен тем, что развитие типов технологий материального производства, а с ними и типов социального устройства общества в конечном счете очень влияло на становление и укрепление той или иной типологии общественного сознания и его базовых характеристик (Костина, Флиер, 2009; Флиер, 2012), а также на параметры идентичности людей и разделения социального мира на своих и чужих (Шапинская, 2011). Поскольку именно этот параметр общественного сознания является основным объектом нашего исследования, то выбор концепции понимания истории, наиболее способствующей такому анализу, представляется оптимальным.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭПОХ

Доиндустриальная эпоха, в которую принято включать этапы первобытный, рабовладельческий и феодальный, характеризовалась преобладанием ручного труда (как индивидуального, так и коллективного), доминированием мифологических и религиозных верований в общественном сознании и представлениях о социальном мироустройстве, а также исключительно непосредственной межличностной коммуникацией (устной и письменной) между индивидами.

Эту эпоху определяют временным отрезком от возникновения человечества (примерно 40 тыс. лет назад) до рубежа XV–XVI вв. — времени Великих географических открытий, изобретения печатного станка, начала итальянского Возрождения в искусстве и общественной мысли и т. п., а главное — до начала использования первых машинных устройств в некоторых видах ремесла (например, ткачестве).

Доминирующее религиозное сознание людей того времени заставляло их видеть все сущее преимущественно в ракурсе религиозной значимости объектов бытия и даже социальную справедливость определять по ее мистической богоугодности. Общая направленность сознания общества доиндустриальной эпохи была связана с сакрализацией своего прошлого, поклонением «великим предкам», легендарным героям и религиозным подвижникам минувших веков как важнейшим эталонным образцам правильного социального поведения, подражание которым является единственно верным жизненным путем.

Индустриальная эпоха характеризовалась машинным производством с ручным управлением (станки, непосредственно управлявшиеся рабочими), преобладающим рациональным массовым сознанием общества и стремлением к переустройству мира на основаниях большей социальной справедливости (демократии), а также обезличенной коммуникацией в виде массово тиражируемых книг и газет, а позднее радио и телевидения. В целом культуру индустриального общества принято называть «книжной» по особой роли книги в систематизации представлений людей о бытии. Индустриальная эпоха занимает временной отрезок от рубежа XV–XVI вв. до 60-х гг. XX в.

Это привычные для нас капитализм и социализм, которые при всем своем политико-идеологическом различии основывались на едином типе технологий материального производства.

Увлечение идеями социального равноправия тем не менее с трудом уживалось с концепцией равноправия национально-культурного, чем было порождено множество политических коллизий, и в первую очередь колониализм — завоевание и эксплуатация слаборазвитых народов Азии, Африки, Латинской Америки. При этом общая направленность общественного сознания была связана не столько с сакрализацией прошлого, сколько с романтизацией будущего, с мечтами о построении прекрасного справедливого общества (в той или иной форме), безостановочном научно-техническом прогрессе, освоении Космоса и т. п., ради чего нужно перетерпеть плохое настоящее.

Постиндустриальная эпоха, начало которой обычно отсчитывается от 60-х гг. XX в., в частности от «студенческого бунта» 1968 г. в Европе, движения хиппи в США, но главное — изобретения компьютера, буквально «перевернувшего мир» внедрением информационных технологий. Эпоха постиндустриализма характеризуется машинным производством с электронным автоматизированным управлением, господством критического массового сознания (подвергающего сомнению все концепции объяснения наблюдаемого мира), а также гиперкоммуникацией с помощью компьютеров, мобильных телефонов и iPhone, практически не имеющих границ по охвату мира и создающих глобальное информационное поле всего человечества. Это формирующийся сейчас посткапитализм с его глобализацией, тотальной информатизацией и пр. Сразу же объяснимся, что под посткапитализмом мы понимаем капиталистическое производство, основанное на частной инициативе, сочетаемое с социалистическими стандартами в вопросах обеспечения прав и нужд населения (Mason, 2015).

Массовое сознание постиндустриального мира ориентировано прежде всего на проблемы социальной свободы и равноправия людей, включающие и равноправие национально-культурное. Постиндустриальное общественное сознание уже не сакрализует прошлое и не романтизирует будущее, а сосредоточено на настоящем и его проблемах, современное решение которых мало удовлетворяет общество.

Но нужно помнить и о том, что если первобытными когда-то были все ныне существующие и когда-либо существовавшие народы, то лишь сравнительно небольшая их часть достигла аграрной стадии развития, малая часть последних перешла на индустриальную стадию и лишь чуть более десятка народов (пока) доросло до постиндустриальной стадии развития. Большая часть народов Земли остановилась в своей социальной эволюции на том или ином этапе, не найдя ресурсов для дальнейшего развития; и лишь несколько народов (полтора-два десятка) развились до постиндустриальной стадии. Так что на Земле сейчас представлены практически все исторические эпохи в лице разных народов. Сегодня большая часть человечества живет при первобытном строе и аграрном феодализме (в доиндустриальную эпоху), меньшая часть при капитализме и социализме (в индустриальную эпоху) и лишь несколько стран при посткапитализме (в постиндустриальную эпоху). К тому же во многих странах наблюдается ситуация, когда крупные города живут в постиндустриальных условиях, а глубокая провинция — еще при феодализме. Таков современный мир.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СВОЕМ И ЧУЖОМ В ДОИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

В разные эпохи и при разных типах доминирующего массового сознания были актуальны и разные представления о своих и чужих людях. В истории человечества сло-

жились три типа отношения к чужому: сначала в доиндустриальную эпоху чужой воспринимался плохим, и иметь с ним дело считалось опасным (Флиер, 2006; Флиер, 2019); затем в индустриальную эпоху чужой определялся как «другой», и иметь с ним дело считалось возможным, но сложным; и наконец, сейчас, в постиндустриальную эпоху, чужой воспринимается как хороший, и иметь с ним дело считается не более опасным, чем со своим.

В доиндустриальную эпоху, в трех ее последовательных периодах — родовом, племенном, аграрном этно-государственном, — в общественном сознании преобладали разные способы определения чужого.

В родовой первобытной общине дихотомия свой/чужой основывалась преимущественно на оппозиции сородич/инородец. Инородец не просто разговаривал на ином языке и придерживался иных обычаев, но — главное — он считал свое происхождение от иного «великого предка», иного тотема. В родовой общине статус кровного родственника являлся наиболее значимым. Позднее это все вылилось в институт многочисленной родни, которая в европейской культурной традиции обычно составляет до двух десятков человек, а у некоторых народов Востока насчитывает иногда более сотни людей. И всех их человек обязан помнить и знать обязанности каждого родственника по отношению к себе и свои обязанности по отношению к каждому родственнику. В свое время этот вопрос хорошо исследовал К. Леви-Стросс (Lévi-Strauss, 1949).

Хотя общность, основанная на кровном родстве, является наиболее древней, но и по сей день она сохраняет свою значимость в некоторых областях жизни. Все мы знаем свою близкую родню и обращаемся именно к ней за помощью в разных бытовых ситуациях. Происхождение (т. е. кровное родство) играет первостепенную роль в определении членов клана, варны, касты, иногда сословия (например, принадлежности к дворянству или духовенству). Оппозиция сородич/инородец сохраняет свою значимость до сих пор.

В племени люди уже принадлежали к разным родам, их объединяла в основном единая культура, и дихотомия свой/чужой выглядела уже как соплеменник/иноплеменник. Основными определителями соплеменника были язык (диалект), бытовые обычаи, верования, участие в племенных обрядах и т. п. Иноплеменник, естественно, всего этого не знал или знал плохо и заметно отличался от соплеменников.

Но со временем племена начали объединяться в племенные союзы, началось формирование крупных этносов, разные диалекты основного языка выравнивались, то же выравнивание (стандартизация) произошло и с обычаями, и оппозиция соплеменник/иноплеменник обрела уже этнический смысл — представитель нашего этноса или иного. К началу аграрного периода понятие «соплеменники» уже определенно означало членов одного этноса. Главным отличительным признаком являлось то, что между соплеменниками была возможна коммуникация без переводчика (Флиер, 2012).

В аграрный этногосударственный период (привычные для нас рабовладение и феодализм) основу общественного сознания составляла религия (бывшая и основной политической идеологией эпохи) (Франкфорт и др., 1984). Истина воспринималась как абсолютная и универсальная. Соответственно в этот период дихотомия свой/чужой выглядела как единоведец/иноведец. Характерно, что даже человек, не владеющий местным языком, но принадлежащий к той же религии (деноминации), воспринимался как «свой» (Сурина, 2010: Электронный ресурс). Иноведец был чужим не только по религии, но еще и политически, ибо его вера не обязывала служить местному государю.

Но в религиях, основанных на «священных текстах» (а это все основные религии, дожившие до наших дней), наблюдалось значительное расхождение между «книжной религиозностью», точно воспроизводившей основные вероучебные сентенции по книгам, и «народной религиозностью», более или менее вольно интерпретирующей их и часто смешивающей канонические догматы с предшествовавшим язычеством. Поэтому понятие «единоверец» весьма условно и не имеет четких критериев. А вот иноверец выделялся отчетливо, и единоверец нередко определялся именно в сравнении с иноверцем.

Принципы, лежащие в основании формирования социальных групп — родовой, племенной и этно-конфессиональный, — определяли и типы идентичности людей этого времени. Показательно, что сельские жители Руси называли себя не по роду деятельности — земледельцами, а по религиозной принадлежности — крестьянами (т. е. христианами).

В целом иррациональность, мистифицированность общественного сознания доиндустриальной эпохи отражалась и на отношении к чужому. Он воспринимался как inferнально «вредный», не понятный, опасный, не угодный нашему Богу, как не созданный по его образу и подобию, а являющийся порождением дьявола (Шапинская, 2011). И любые контакты с ним старались минимизировать.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СВОЕМ И ЧУЖОМ В ИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

Ситуация заметно переменялась с наступлением индустриальной эпохи. В общественном сознании, по крайней мере, горожан религия постепенно становилось менее значимой, а возобладало буржуазное рациональное мировидение. Истина стала относительной, контекстуально зависимой. На базе этносов формировались нации, сочетавшие в себе этническое и политическое начала. Постепенно распространялась всеобщая грамотность, а с ней пришли и национальные культурные стандарты, вытеснившие многие религиозные стереотипы сознания (Флиер, 1998). Большую значимость получило государственное законодательное регулирование социального поведения людей.

Соответственно дихотомия свой/чужой обрела преимущественную форму соотечественник/иностранец. Иностранец, конечно, не так сильно отличался от своего, как иноверец или иноплеменник (по крайней мере, в границах одного культурного региона). Но его социальное поведение регулировали уже законы другой страны, что временами было очень заметно. А распространение национальных культурных стандартов значительно усиливало локальную специфичность поведенческого стиля и образа жизни соотечественников в отличие от иностранцев (Флиер, Полетаева, 2009).

Идентичность людей индустриальной эпохи определялась в первую очередь государственно-политическими условиями их существования, от которых отсчитывалось и все остальное. Ну и отношение к чужому соответствовало умонастроениям эпохи. Чужой, конечно, был иным, но по-своему интересным и, по крайней мере, рационально понятным. Он был просто «другим». И взаимодействие с ним было как минимум полезным, не всегда мирным (например, колониальное угнетение), но не опасным (Тлостанова, 2008).

Вместе с тем население любого государства индустриальной эпохи было этнически разнообразным, включало в себя множество субэтносов или этнических фрагментов соседних народов. Кроме того, население было многообразным по своему социальному составу, и нередко разные сословия говорили на разных диалектах, ориентировались на разные культурные эталоны. В этих условиях определение соотече-

стенника было нелегким делом и нередко было также привязано к сравнению его с иностранцем, на фоне которого соотечественник выделялся более четко.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СВОЕМ И ЧУЖОМ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

В постиндустриальную эпоху ситуация с этим вопросом опять переменялась. Производство сосредоточивалось уже не только на вещах и сооружениях, но в большой мере и на новых знаниях и информации. Основным производителем стала наука. Общественное сознание тоже изменилось. Оно отошло от крайностей предшествовавших эпох — сакрализации прошлого в доиндустриальную эпоху и романтизации будущего в индустриальную, а стало больше сосредоточиваться на настоящем и его критике (Флиер, 2015: Электронный ресурс). Характерной парадигмой постиндустриального сознания стал постмодернизм — концепция тотального сомнения во всем. Истина стала пониматься как что-то субъективное, как плод ангажированного сознания того или иного человека. Век книжной культуры сменился веком экранной культуры. Ажиотажное отношение переместилось с предстоящего светлого будущего на актуальную личную свободу, ставшую ключевым понятием общественного сознания. Дихотомия свой/чужой стала опираться в первую очередь на культурные различия между людьми. В русском языке нет соответствующих слов, так что эту оппозицию можно условно определить как «сокультурник/инокультурник».

Идентичность людей постиндустриального времени стала сложной, многоаспектной, а часто и просто ситуативной. В разных жизненных ситуациях человек стал определять себя по-разному. Отношение к чужому, наконец, стало безоценочным. Он не отвергается общественным сознанием постиндустриальной эпохи, но и не выделяется как что-то особенное. Чужой в новом понимании — это такой же человек, как и свой, и он столь же достоин личной и культурной свободы, как и свой. Просто он носитель иной национально-культурной традиции и этим интересен. Фактически понятие «чужой» потеряло свой различительный смысл. Сопоставление свой/чужой уже стало не актуальным. Представители иного сословия или политические оппоненты часто воспринимаются как более чужие, нежели представители иного народа. В этом вопросе все относительно. Ведь люди все разные. В любом современном обществе есть люди, придерживающиеся прогрессистских взглядов на дихотомию свой/чужой, а есть и расисты, националисты, фундаменталисты, коммунисты, этатисты (фашисты) и пр. Поэтому сегодня идеологические различия между людьми играют большую роль, нежели оппозиция свой/чужой. В современном мире оппонент (в определенном смысле чужой) — это не инородец, иноплеменник, иноверец или иностранец. Это человек, придерживающийся иных взглядов на принципы социального мироустройства, т. е. иной политической культуры. И отторгается именно он, а не представитель иной расы, этноса, религии, страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы видим, что отношение к чужому и возможности взаимодействия с ним от эпохи к эпохе менялось к лучшему. В доиндустриальную эпоху чужой отвергался в принципе как непригодный к какому-либо взаимодействию. В индустриальную эпоху взаимодействие с ним допускалось при определенных условиях (его культурной ассимиляции). А в постиндустриальную эпоху никаких препятствий к взаимодействию с чужим уже не усматривалось. Всякий акцент на отличии чужого от своего начал рассматриваться как архаический предрассудок.

На протяжении человеческой истории в культуре всех народов эта дихотомия свой/чужой играла важную роль, в том числе определяя некоторые параметры идентичности своего. Именно благодаря сравнению с чужим наглядно были видны достоинства своего, оттачивались собственная идентичность человека и понимание себя самого. Дихотомия свой/чужой занимала заметное место в ряду всего комплекса многочисленных бинарных оппозиций в сознании людей любых эпох — доброе/злое, хорошее/плохое, сакральное/профанное, истинное/ложное и т. п., что составляло основу системы ценностных различий всей культуры.

В истории общественного сознания мы видим три типа чужих: чужой-инфернальный (имеющий адское происхождение), чужой-экзистенциальный (по жизни) и чужой-номинальный (по имени, по семиозису). Эти три типа, естественно, вызывали разное к себе отношение, исторически следовали один за другим, и с каждой эпохой отношение к чужому становилось все менее мистическим.

Можно говорить об исторической эволюции восприятия чужого в общественном сознании и как о пути постепенного отказа от крайностей деления социальной реальности на своих и чужих, а мира в целом на добрую (положительную) и злую (отрицательную) компоненты и глобальной культурной трактовки Универсума в рамках дуалистической парадигмы «правильное/неправильное». Этот вопрос в свое время основательно исследовал А. А. Пелипенко (Пелипенко, 2007). Такой вывод представляет собой важное теоретическое положение, показывающее, что общее построение культуры на основании бинарных оппозиций (что основательно исследовалось структуралистами и некоторыми иными учеными) (Леви-Стросс, 1985; Пелипенко, 2012; Флиер, 2019: Электронный ресурс) имеет временный характер и в ходе истории постепенно преодолевается. Но эта тема лежит уже за пределами настоящего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белл, Д. (1999) Грядущее постиндустриальное общество. М. : Академия. 788 с.
- Костина, А. В., Флиер, А. Я. (2009) Три типа культуры — три функциональные стратегии жизнедеятельности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. №2 (18). С. 23–36.
- Леви-Стросс, К. (1985) Структурная антропология. М. : Наука. 536 с.
- Пелипенко, А. А. (2007) Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. М. : МГУКИ. 434 с.
- Пелипенко, А. А. (2012) Постигание культуры : в 2 ч. М. : РОССПЭН. Ч. 1. Культура и смысл. 607 с.
- Сулова, Е. Э. (2010) Идентификационный принцип в культуре [Электронный ресурс] // Международный журнал исследований культуры. №1. URL: <http://www.culturalresearch.ru/ru/archives/62-politics-of-ident> (дата обращения: 28.11.2017).
- Глостанова, М. В. (2008) Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания // Личность. Культура. Общество. Т. 10. №5–6 (44–45). С. 170–183.
- Флиер, А. Я. (1998) Массовая культура и ее социальные функции // Общественные науки и современность. № 6. С. 181–187.
- Флиер, А. Я. (2006) Культура как репрессия. М. : Диаграмма. 320 с.
- Флиер А. Я. (2012) История культуры как смена доминантных типов идентичности // Личность. Культура. Общество. Т. 14. №1 (69–70). С. 108–122.
- Флиер, А. Я. (2015) Добро и зло в культурно-историческом понимании [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». №3. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Flier_Good-Evil/ (дата обращения: 18.06.2019).

Флиер, А. Я. (2019) Философские пролегомены к Нормативной теории культуры [Электронный ресурс]// Культура культуры. №1. URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (дата обращения: 1.05.2019).

Флиер, А. Я., Полетаева, М. А. (2009) Происхождение и развитие культуры. М. : МГУКИ. 272 с.

Франкфорт, Г., Франкфорт, Г.А., Уилсон, Дж., Якобсен, Т. (1984) В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М. : Наука. 236 с.

Фукуяма, Ф. (2004) Конец истории и последний человек. М. : АСТ. 488 с.

Шапинская, Е. Н. (2011) Образ Другого в текстах культуры. М. : Красанд. 212 с.

Lévi-Strauss, C. (1949) *Les Structures élémentaires de la parenté*. Paris : PUF. 619 p.

Mason, P. (2015) *PostCapitalism: A Guide to our Future*. London : Allen Lane. 356 p.

Дата поступления: 02.09.2019 г.

THE DEVELOPMENT OF VIEWS ON THE PHENOMENON OF "STRANGER"
IN THE HISTORY OF CULTURE

M. A. POLETAeva

MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

The article gives an overview of the evolution of ideas about one's own and a stranger in the history of mankind. This is the first attempt at a comprehensive scientific systematization of the typical views of society on this issue in history, which played a significant role in the formation of the national identity of people.

First of all, a number of variants of the division of history into periods are considered and the significance of its division into technological eras is substantiated: pre-industrial, industrial and post-industrial. The characteristics of each era necessary for this study are developed, and it is shown why in each era the attitude towards the dichotomy of own / stranger differed.

The pre-industrial era was characterised by the perception of someone else as being harmful, who should be dealt with as little as possible. A stranger is an enemy, a creature of the devil, and you should always be on guard with them.

In the industrial era, a stranger was perceived as a person different from a local, but not dangerous. It is possible to interact with them, especially with their sufficient assimilation in the local environment.

In the post-industrial era, a stranger is perceived only as a culturally different, but thereby interesting person. Interaction with them is just as possible as with one of their own.

Thus, in history there has been a certain evolution in the attitude of society towards the stranger from their predominant rejection to their predominant acceptance.

Keywords: own; stranger; pre-industrial era; industrial era; post-industrial era; history of culture

REFERENCES

Bell, D. (1999) *Griadushchee postindustrial'noe obshchestvo*. Moscow, Akademiia. 788 p. (In Russ.).

Kostina, A. V. and Flier, A. Ia. (2009) Tri tipa kul'tury — tri funktsional'nye strategii zhiznedeiatel'nosti. *Vestnik Cheliabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*, no. 2 (18), pp. 23–36. (In Russ.).

Levi-Stross, K. (1985) *Struktornaia antropologiya*. Moscow, Nauka. 536 p. (In Russ.).

Pelipenko, A. A. (2007) *Dualisticheskaiia revoliutsiia i smyslogenez v istorii*. Moscow, MGUKI. 434 p. (In Russ.).

Pelipenko, A. A. (2012) *Postizhenie kul'tury* : in 2 parts. Moscow, ROSSPEN. Part 1. Kul'tura i smysl. 607 p.

Surova, E. E. (2010) Identifikatsionnyi printsip v kul'ture. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniia kul'tury*, no. 1 [online] Available at: <http://www.culturalresearch.ru/ru/archives/62-politics-of-ident> (access date 28.11.2017). (In Russ.).

Tlostanova, M. V. (2008) Dekolonial'nyi proekt: ot politicheskoi dekolonizatsii k dokolonizatsii myshleniia i soznaniia. *Lichnost'. Kul'tura. Obschbestvo*, vol. 10, no. 5–6 (44–45), pp. 170–183. (In Russ.).

Flier, A. Ia. (1998) Massovaia kul'tura i ee sotsial'nye funktsii. *Obschbestvennye nauki i sovremenost'*, no. 6, pp. 181–187. (In Russ.).

Flier, A. Ia. (2006) *Kul'tura kak repressiia*. Moscow, Diagramma. 320 p. (In Russ.).

Flier, A. Ia. (2012) Istoriia kul'tury kak smena dominantnykh tipov identichnosti. *Lichnost'. Kul'tura. Obschbestvo*, vol. 14, no. 1 (69–70), pp. 108–122.

Flier, A. Ia. (2015) Dobro i zlo v kul'turno-istoricheskom ponimanii. *Informatsionnyi gumanitarnyi portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*, no. 3 [online] Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Flier_Good-Evil/ (access date: 18.06.2019). (In Russ.).

Flier, A. Ia. (2019) Filosofskie prolegomeny k Normativnoi teorii kul'tury. *Kul'tura kul'tury*, no. 1 [online] Available at: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (access date: 1.05.2019). (In Russ.).

Flier, A. Ia. and Poletaeva, M. A. (2009) *Proiskhozhdenie i razvitie kul'tury*. Moscow, MGUKI. 272 p. (In Russ.).

Frankfort, G., Frankfort, G.A., Uilson, Dzh. and Iakobsen, T. (1984) *V preddverii filosofii. Dukhovnye iskaniia drevnego cheloveka*. Moscow, Nauka. 236 p. (In Russ.).

Fukuiama, F. (2004) *Konets istorii i poslednii chelovek*. Moscow, AST. 488 p. (In Russ.).

Shapinskaia, E. N. (2011) *Obraz Drugogo v tekstakh kul'tury*. Moscow, Krasand. 212 p. (In Russ.).

Lévi-Strauss, C. (1949) *Les Structures élémentaires de la parenté*. Paris, PUF. 619 p.

Mason, P. (2015) *PostCapitalism: A Guide to our Future*. London, Allen Lane. 356 p.

Submission date: 02.09.2019.

Поletaева Марина Андреевна — кандидат культурологии, доцент кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета. Адрес: 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1. Тел.: +7 (499) 246-20-62. Эл. адрес: m.poletaeva@mail.ru

Poletaeva Marina Andreyevna, Candidate of Culturology, Associate Professor, Department of World Culture, Moscow State Linguistic University. Postal address: 38, Bldg. 1, Ostozhenka St., Moscow, Russian Federation, 119034. Tel.: 8 (499) 246-20-62. E-mail: m.poletaeva@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2019.4.14

Социокультурный феномен эффективной коммуникации на примере детских эмигрантских журналов в Маньчжурии

Ю. А. ГОЛОВИН, О. Е. КОХАНАЯ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Авторы рассматривают специфику создания и функционирования детских эмигрантских периодических изданий в китайской Маньчжурии, в частности одного из самых популярных эмигрантских изданий Дальнего Востока журнала «Ласточка». Он выходил в г. Харбине с 1926 по 1945 г. Журнал расценивается как самобытный социокультурный институт, который стал охранителем русских культурных традиций, создателем их в новой